

Ю.Н. Гомеляк, В.А. Руженков

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК ФАКТОР РИСКА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ ПОДРОСТКОВ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ЛИШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКОГО ПОПЕЧЕНИЯ*

В настоящее время в нашей стране серьезную озабоченность государственных органов и общества в целом вызывает рост числа семей и детей, находящихся в социально опасном положении [1; 5]. В литературе [2; 3; 4; 6] описаны различные личностные особенности детей, воспитывающихся в условиях родительской депривации: неадекватная Я-концепция, затруднения в формировании самосознания, повышенная конформность, конфликтность, агрессивность, обидчивость, склонность к нарушениям общепринятых норм и правил, а также неумение организовать отношения как со взрослыми, так и со сверстниками. Однако, на сегодняшний день в научной психологической литературе отсутствует комплексное описание особенностей межличностного взаимодействия подростков, лишенных родительского попечения (подростков-ЛРП) на эмоциональном, когнитивном и поведенческом уровнях как фактора эффективного осуществления ведущей деятельности и успешной социально-психологической адаптации в данном возрасте, что определяет актуальность исследований в плане разработки комплексных психолого-медико-педагогических психокоррекционных программ, направленных на повышение уровня адаптивности и качества жизни детей, лишенных родительского попечения.

Целью настоящего исследования было изучение особенностей межличностного взаимодействия и социально-психологической адаптации подростков-ЛРП. **Объект** исследования – межличностное взаимодействие подростков-ЛРП. **Предмет** исследования – эмоциональные, когнитивные и поведенческие составляющие межличностного взаимодействия подростков-ЛРП.

В соответствии с целью и предметом исследования нами решались следующие **задачи**:

1. Выявить доминирующие эмоциональные переживания подростков-ЛРП в процессе межличностного взаимодействия, в т.ч. и с близкими взрослыми (родителями).

2. Изучить особенности когнитивного и поведенческого компонентов межличностного взаимодействия указанного контингента подростков.

3. Определить характеристики социально-психологической адаптации и верифицировать факторы, детерминирующие неадаптивные стереотипы межличностного взаимодействия подростков, воспитывающихся в условиях родительской депривации.

Материал и методы исследования. С целью реализации поставленных задач в течение 2001–2003 г.г. на базе детских домов и школ-интернатов г. Белгорода и Белгородской области нами было обследовано 93 подростка-ЛРП в возрасте 13–16 лет (44 мальчика и 49 девочек) средний возраст $14 \pm 1,2$ лет – основная группа, и 60 подростков из полных благополучных семей аналогичного пола и возраста – контрольная группа.

Основные методы исследования: эмпирический (психодиагностические методы: восьмичетовой тест М. Люшера в модификации Л.Н. Собчик и цветовой тест отношений М.А. Эткинда, направленные на изучение эмоционального компонента интерперсонального взаимодействия, методики «Личностный дифференциал» и «Незаконченные предложения», направленные на изучение когнитивного компонента, а также методика диагностики межличностных отношений Т. Лири, методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, методика «Q-сортировка» В. Стефансона, экспериментально-психологическая методика изучения фрустрационных реакций С. Розенцвейга, направленные на изучение поведенческого компонента межличностного взаимодействия), математико-статистический метод путем обработки базы данных при помощи пакета прикладных статистических программ STATISTICA 6 (методы описательной статистики, критерий Стьюдента t (параметрические данные), критерий χ^2 (не параметрические данные), корреляционный (коэффициент ранговой корреляции).

* Работа выполнена в рамках проекта № 02-06-00073А (грант РФНФ).

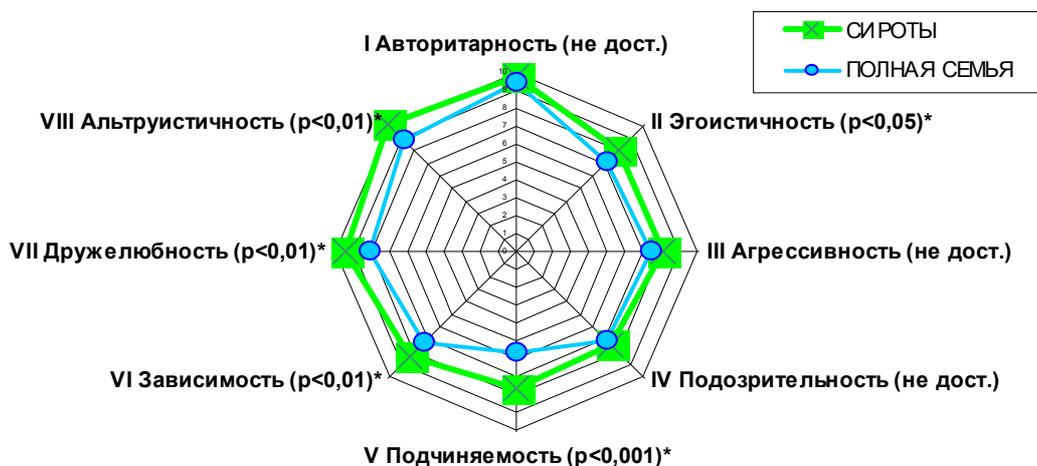

Рис. Основные поведенческие тенденции подростков-ЛРП и подростков из полных семей (по данным теста Лири)

ляции Спирмена) и факторный анализ) и интерпретационный методы.

Результаты исследования и обсуждение

Восьмицветовой тест Люшера выявил повышенную выраженность ($t > 2,4$, $p < 0,05$) эмоциональной напряженности (тревоги) подростков-ЛРП ($3,2 \pm 0,22$ балла) по сравнению с контрольной группой ($2,4 \pm 0,25$ балла). У значительной части подростков-ЛРП – 82 (88,2%) человека основные цвета (синий, зеленый, красный, желтый) занимали одну из 3-х последних позиций ряда, что свидетельствует о том, что символизируемая этим цветом потребность фрустрирована и является источником стресса.

Результаты **ЦТО М.А. Эткинда** показали, что подростки-ЛРП обнаруживают нарушения эмоционального компонента межличностного взаимодействия в виде негативного отношения к близким взрослым (родителям), которые ассоциируются с цветами, имеющими отрицательные характеристики. Так, черный, серый и коричневый цвета ассоциируют с образом матери 33 подростка (35,5%), а с образом отца – 56 подростков (60%), по сравнению с контрольной группой (соответственно: 4 подростка (6,6%), $\chi^2 > 25$, $p < 0,001$; 20 подростков (33%), $\chi^2 > 14,5$, $p < 0,01$).

С образами друга ($\chi^2 > 12,4$, $p < 0,01$) и сверстников ($\chi^2 > 12,84$, $p < 0,01$) они ассоциируют черный, серый и желтый цвета, которым в ЦТО приписываются разнообразные негативные характеристики (с одной стороны – слабость, пассивность, эгоистичность, с другой – активность при низком

контроле, враждебность), а образ сверстника, как партнера по общению воспринимается с чувствами горя, отвращения, страха, презрения.

Методика **личностный дифференциал** не обнаружила статистически достоверных различий между основной и контрольной группами по факторам оценки, силы и активности, но подтвердила данные, полученные с помощью ЦТО о важности и значимости межличностного взаимодействия для подростков основной и контрольной групп.

Методика **«Незаконченные предложения»** показала, что в высказываниях подростков-ЛРП о своих реальных друзьях отчетливо звучит подозрительность: они не раз упоминают о том, что в их отсутствие друзья «обсуждают меня, говорят обо мне плохо за моей спиной, сплетничают», а также присутствует страх, что друг «обманет, выдаст секреты».

Результаты **теста Т. Лири** по характеристикам партнера по общению представлены на рисунке.

Выявленные различия свидетельствуют о том, что подростки-ЛРП в межличностном взаимодействии демонстрируют противоречивые черты: с одной стороны они более эгоистичны, ориентированны на себя, с выраженным чувством собственного превосходства над окружающими, склонны к соперничеству, по сравнению с группой подростков из полных семей; с другой стороны – зависимы, следуют за лидером, подчиняемы и неуверенны в себе, застенчивы, пассивны, демонстрируют скромность и гиперсоциальность установок в межличностных контактах, стремятся найти опору в ком-либо более сильном, чаще

Таблица 1

Результаты теста «Методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда»

Октянты	Подростки-ЛРП		Полная семья		t>	p<
	М	m	М	m		
Адаптивность	132,4	2,68	140,5	2,76	2,1	0,05
Дезадаптивность	104,5	3	81,67	4	4,5	0,001
Неприятие себя	19,09	0,78	14,4	1	3,9	0,001
Неприятие других	19,8	0,78	15,67	0,84	3,7	0,001
Эмоциональный дискомфорт	20,03	0,86	15,22	1,11	3,4	0,01
Внешний контроль	25,26	0,96	18,55	1,2	4,47	0,001
Ведомость	20,55	0,58	17,08	0,84	3,4	0,01
Эскапизм (уход от проблем)	19,2	0,56	17,6	0,6	2,0	0,05

всего не имеют собственного мнения или не умеют его отстаивать. Нередко свои проблемы подростки-ЛРП стараются перекладывать на окружающих.

Результаты теста К. Роджерса и Р. Даймонда представлены в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, уровень адаптации подростков-ЛРП несколько ниже уровня адаптации подростков из полных семей, что объясняется преобладанием у подростков основной группы несамостоятельности, ориентации на внешний контроль, что соотносится с условиями жизни в детском доме, где от воспитанников ожидается полное подчинение, имеет место четкий регламент и отсутствие необходимости решения проблем реальной жизни, которые за них решают воспитатели. Подростки-ЛРП обнаруживают более низкий уровень самопрятия по сравнению с подростками из полных семей, проявляют неуверенность в себе и негативное отношение к своей личности, формирующееся в результате воспитания вне семьи. Это обусловлено отсутствием близкого, безусловно любящего взрослого, способного внушить чувство уверенности и полноценности. Кроме того, им присуще состояние хронического эмоционального дискомфорта с негативной оценкой окружающих и неприятием их, что связано, по нашему мнению, с последствиями родительской депривации, поскольку имея негативный опыт взаимодействия с близкими взрослыми дети склонны экстраполировать его и на окружающих, относясь к ним с враждебностью и подозрительностью.

Тест «Q-сортировка» В. Стефансона выявил статистически достоверные различия между основной и контрольной группой по тенденции «за-

висимость / независимость» ($\chi^2 > 21,38$, $p < 0,001$), которая определяется как внутреннее стремление индивида к принятию групповых стандартов и ценностей. Т.е. в межличностном взаимодействии подростки-ЛРП более зависимы и ведомы, и менее самостоятельны, чем дети из полных семей. И хотя стремление принимать ценности и нормы референтной группы характерно для подросткового возраста, у подростков основной группы оно выражено в большей степени, чем у их сверстников из полных семей, что свидетельствует об определенных деформациях в личностном развитии.

Тест С. Розенцвейга выявил, что для большинства подростков-ЛРП (79,6% ($\chi^2 > 25,11$, $p < 0,001$)) характерна экстрапунитивная направленность реакций (Е), а также самозащитный тип реагирования (ЕD – 74,2% ($c^2 > 37,35$, $p < 0,001$)), что свидетельствует о низкой фрустрационной толерантности, низком уровне самообладания, неумении эмоционально отвлечься от фрустратора, самостоятельно найти выход из конфликта, неспособности взять на себя ответственность за его решение, стремлении переложить эту ответственность на окружающих, неумение и нежелание признать свою вину, доминировании негативных тенденций в отношении к окружающим.

Коэффициент GCR, который определяется как мера адаптации субъекта к своему социальному окружению, ниже у подростков-ЛРП по сравнению с подростками из полных семей, что означает более низкую степень их социальной адаптации ($49,68 \pm 1,0$, $57,86 \pm 1,79$ соответственно, $t > 4,2$, $p < 0,001$).

Корреляционный анализ экспериментальных данных подростков-ЛРП показал, что среди наи-

Таблица 2

Результаты теста С. Розенцвейга подростков-ЛРП (n=93)
и подростков из полных семей (n=60)

Направление реакции	Дети-ЛРП		Полная семья		$\chi^2 >$	p <	Тип р-ции	Дети-ЛРП		Полная семья		$\chi^2 >$	p <
	К-во	%	К-во	%				К-во	%	К-во	%		
Е	74	79,6	25	41,7	25,11	0,001	OD	4	4,3	18	30	37,35	0,001
I	6	6,4	5	8,3			ED	69	74,2	16	26,7		
M	13	14	30	50			NP	20	21,5	26	43,3		
Итого	93	100	60	100			Итого	93	100	60	100		

более задействованных в корреляционных зависимостях звучат такие переменные, как подозрительность, зависимость, подчиняемость, отрицательно связанные с адаптацией, уровнем самоприятия, эмоциональной комфортностью, интернальностью и стремлением к доминированию. Как представляется, черты подозрительности, злопамятности, подчиняемости, зависимости, обидчивости у подростков-ЛРП являются результатом опыта депривации. Но выработанные как реактивные, эти характеристики не принимаются самой личностью (отсюда – отрицательная связь с показателем самоприятия) и не являются адаптивными. Кроме того, они препятствуют формированию обычных для возраста констелляций черт (в том числе, связанных с проблематикой автономности, эгоистичности и формирования зрелого самоуважения), тем самым задерживая и искажая развитие личности в пубертатный период.

Факторный анализ экспериментальных данных подростков-ЛРП позволил выделить 3 фактора, характеризующих их индивидуально-психологические особенности, особенности межличностного взаимодействия и социально-психологической адаптации: фактор дезадаптивности (который определяют подозрительность, подчиняемость, неприятие себя, неприятие других, эмоциональный дискомфорт, ориентация на внешний контроль, ведомость), фактор подозрительности отражает комплекс особенностей поведения подростков-ЛРП (эгоистичность, авторитарность, агрессивность, подозрительность) в процессе межличностного взаимодействия и фактор зависимости, который мы склонны интерпретировать как одно из основных искажений личностного развития, формирующееся в результате депривационного воспитания. Ключевой характеристикой этой установки обусловлен тем, что подростковый возраст определяется как разрешение проблемы

индивидуации, утверждение своего Я в группе сверстников, что не находит подтверждения в группе детей-ЛРП, которые демонстрируют более зависимое и подчиняемое по сравнению с детьми из полных семей поведение.

Таким образом, в результате исследования установлено, что эмоциональный компонент межличностного взаимодействия подростков-ЛРП определяется чувством эмоционального дискомфорта с негативной оценкой окружающих и неприятием их, а также высокой степенью эмоциональной напряженности вследствие неудовлетворенности основных потребностей, ведущая из которых отражает отсутствие гармонии и разлад в сфере значимых межличностных контактов. Субъективное отношение к близким взрослым у подростков-ЛРП характеризуется комплексом негативных переживаний как на сознательном, так и на бессознательном уровнях и является предрасположением к нарушениям эмоционального компонента интерперсональной коммуникации.

Когнитивный компонент межличностного взаимодействия подростков-ЛРП отличается негативной аффективной насыщенностью когнитивных представлений, отражающее их общую неудовлетворенность в эмоционально теплых и стабильных отношениях с близким человеком.

Поведенческий компонент межличностного взаимодействия подростков-ЛРП определяется противоречивыми чертами: с одной стороны они более эгоистичны, склонны к соперничеству, обидчивы, злопамятны, подозрительны, по сравнению с группой подростков из полных семей, с другой стороны – зависимы, подчиняемы, ведомы, неуверенны в себе, склонны снимать с себя ответственность.

Уровень социально-психологической адаптации подростков-ЛРП более низкий, чем у сверстников, воспитывающихся в полной семье. Это обусловлено слабой развитостью волевой само-

регуляции и трудностями планирования собственной деятельности, как результата аномального воспитания (подчинения навязываемому порядку и выработке поведенческих стереотипов ведомости, зависимости, склонности снимать с себя ответственность за происходящее и приписывать её внешним условиям). Факторами, определяющими трудности в их социальной адаптации, являются подозрительность и зависимость.

На основе результатов исследования, позволивших выделить основные дезадаптивные стереотипы межличностного взаимодействия подростков, воспитывающихся в условиях лишения родительского попечительства, с применением современных психотехнологий гештальттерапии, бихевиоральной психотерапии и нейролингвистического программирования нами разработана комплексная психокоррекционная программа.

В качестве основных методов работы нами использовались: элементы тренинга сенситивности, ролевые игры, элементы сказкотерапии, элементы психогимнастики, элементы психодрамы,

элементы арт- и игротерапии, элементы гештальттерапии и НЛП, релаксационный практикум.

Библиографический список

1. *Голык А.Н.* Социальная психиатрия сиротства. – М., 2000.
2. *Лангмейер Й., Матейчек З.* Психическая депривация в детском возрасте. – Прага, 1984.
3. *Прихожан А.М., Толстых Н.Н.* Психология сиротства. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2005. – 400 с.
4. Психическое развитие воспитанников детского дома / Под ред. И.В. Дубровиной, А.Г. Рузской; Науч.-исслед. ин-т общей и педагогической психологии Акад. пед. наук СССР. – М., 1990.
5. *Смагина Л.И.* Сиротство как социальная проблема: Пособие для педагогов / Л.И. Смагина, А.К. Воднева, Ю.А. Сойка и др.; Под ред. Л.И. Смагиной. – Мн.: Універсітэцкае, 1999.
6. *Шниц Р.А.* Поведение депривированных детей // Лишенные родительского попечительства: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов пед. ун-тов и ин-тов. – М., 1991.

Е.К. Дзюцова

АНТИКРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ

Ряд статей современных авторов, посвященный кризису педагогики в целом и воспитания в частности, заставляет размышлять об антикризисных тенденциях в этой сфере.

А.С. Запесоцкий в своей статье «Обеспечение качества высшего гуманитарного образования» высказал следующую мысль: «В последние годы в России много говорили о том, что нам надо выбрать национальную идею. К сожалению, в этом деле достигнуты большие «успехи». Национальная идея в России в последние годы появилась, и имя ей – безнравственность, бессовестность» [1, с. 12]. Спорить с данным утверждением трудно. Но как найти социопсихопедагогические направления, которые помогут выйти из этого состояния безнравственности?

Известно, что к основным воспитателям относятся семья, школа и общественность. Бесспорно, главную роль играет школа, укомплектованная профессиональными педагогами.

Еще в конце XIX века обер-прокурор синода К.П. Победоносцев говорил: «Отделять учение

или науку от воспитания – пагубный предрассудок, в который ныне впадают многие, особенно люди, мечтающие приготовить посредством школы гражданина и совершить это посредством науки. Само учение – какими бы ни были программы – не достигает своей цели, если в нем умственное образование не сливается с нравственным. Только тот умеет учить, у кого в мысли и то и другое нераздельно. Хорошо учить – значит помогать образованию добрых навыков и затруднять формирование дурных» [2, с. 80].

Сегодня эти мысли чрезвычайно актуальны, так как современная педагогика не обеспечивает духовный рост, нравственное развитие молодежи. В гуманитарных вузах дела обстоят чуть благоприятнее, но все же оставляют желать лучшего. В эпоху общественных перемен молодежь стала более расчетливой, считает внеаудиторную деятельность ненужной выдумкой педагогов и не желает тратить на нее свое время.

Петр Федорович Каптерев писал: «Красоту природы видит ум» [3, с. 58]. Говоря о зависимости эстетического развития от умственного,